



Анатолий Галкин
Тихий омут
Серия «Еще не вечер»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2158185

Аннотация

Самоубийство бизнесмена Маруева выглядит очень естественно. Но сыщики из агентства «Сова» понимают, что это криминал!.. Они начинают свое следствие. Кто-то вслед за вдовой Маруева едет в Сочи. Кто-то вместе с туристами из фирмы «Дронт» летит на Камчатку. А шеф «Совы» Игорь Савенков активно работает в Москве. И везде свои опасности, свои приключения и свои улики по делу Маруева.

Фирма «Дронт» была создана для скучающих бизнесменов. Их развлекали участием в опасных акциях, включая убийства и похищение людей. Тут адреналина – выше крыши!.. Маруев был богатый человек, но при этом оказался слишком честным.

А порядочные люди у нас долго не живут...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анатолий Михайлович Галкин

Тихий омут

Пролог

Ветка хрустнула под ногой неожиданно громко, как пистолетный выстрел. Где-нибудь в городском сквере никто и не обратил бы внимания на этот звук. Он просто потонул бы в визге тормозов, собачьем лае и гомоне толпы. Но здесь, в звенящей тишине утреннего подмосковного леса этот резкий треск и скрежет сухого дерева казались совершенно неуместными и даже пугающими.

Шедший впереди мужчина, виновник этого «нештатного» шума, замер на несколько секунд. Затем осторожно поставил на землю зависшую было в воздухе правую ногу, повернулся к своему напарнику и поднял руки вверх, давая понять, что осознал свою ошибку и впредь не допустит такой оплошности.

Напарник примирительно махнул рукой и, подойдя ближе, зашептал:

– Не тушуйся ты, Седьмой. Всякое бывает. Пока это не так страшно. Это, конечно, твой проколышек, но... потом разберемся. Двигай вперед. Наша точка ожидания через двести метров.

Они разместились за грудой почерневших бревен. Сзади и с правой стороны их прикрывали довольно высокие кусты. Обзор был очень ограничен. Седьмому даже пришлось отогнуть несколько веток, чтоб полностью видеть и всю тропинку и, главное, то место откуда она начиналась – черную металлическую дверь в солидном сплошном заборе красного кирпича, за которым виднелись башенки особняка в стиле «новых русских».

– Послушай, Второй, а он точно из этой двери появится?

– Точно. Сам проверял. Ровно в шесть. Как штык... Это через пятнадцать минут. Помоги пока эту штуковину собрать... Изобретательный народ эти шведы – шесть железяк вместе свинтил и с трехсот метров пятак дырявишь как нечего делать.

– Это верно, Второй. Шведы, они все капитально делают... Только, мы дырявить-то никого не будем? Ты холостые взял?

– Разные, Седьмой. Мы как договаривались: учеба приближенная к боевой обстановке. На сто холостых – один боевой. Всего один процент. У него очень хорошие шансы... Глушитель будем наворачивать или ты грохот любишь?

– Давай с глушителем... Охраны-то с ним не будет?

– Не бойсь, Седьмой! Он один побежит. Проверено. Он каждое утро с природой сливается без свидетелей. Поэтическая личность... Ну, друг, с богом... А я тебя страховать буду. Вон за тем старым пнем... Ты сам все должен проделать. Иначе не прочувствуешь.

Седьмой не заметил, как исчез, испарился его наставник. Все внимание было направлено туда – на тропинку, которая метрах в тридцати изгибалась и шла прямо навстречу, прямо по линии прицеливания. Это хорошо – не надо делать никаких боковых поправок. Целиться точно в грудь. А с оптическим прицелом можно даже заметить, как стучит сердце у этого утреннего бегуна.

Как приятно ощущать в руках тяжесть этой хитрой шведской винтовки! Оружие всегда делает мужчину более уверенным, сильным, значительным...

Седьмой погладил черный прохладный ствол винтовки. Он делал это непроизвольно. Сейчас он вообще плохо контролировал свои действия. Последние минуты его захлестнули волны азарта, страха, восторга. Это было именно то, что он и ожидал. Именно то, за чем он притаился сюда в такую рань.

И не важно, что все это лишь игра, имитация. Главное, что это волнует его, будоражит, бодрит, уводит от хандры, апатии, скуки. Где-то там далеко в душевной Москве нелюбимая жена, нелюбимая работа, нелюбимые друзья, компаньоны, политики...

Ровно в шесть заскрипели петли стальной двери и перед забором появилась маленькая фигура в голубом спортивном костюме. Седьмой не видел его лица. Далеко. Он попытался соединиться с винтовкой в одно целое, уверенно прижав ее к себе и ласково прислонившись щекой к пластиковому прикладу. Затем положил палец на спусковой крючок и вдруг улыбнулся дурацкой мысли, которая пришла к нему в голову. То есть мысль была правильная, но совершенно неуместная сейчас, за минуту до выстрела. А подумал он, что большинство людей называют спусковой крючок курком. «Дурачье. Лингвисты фиговы. Нажать на курок нельзя. Это совсем другая штука. Его лишь взводят, там где он есть. А нажимают на крючок, даже если он плоский, как у Кольта или Дерринджера».

... Бегун размялся, сделав несколько взмахов руками, приседаний и наклонов. Затем он замер в предстартовой стойке и начал движение по тропинке, все ускоряя и ускоряя бег.

Седьмой ждал, направив оптический прицел на просвет между двух берез. Именно там он появится в полный рост и будет секунд десять бежать прямо, все время находясь «на мушке». Вон мелькнула его рука, плечо... Стоп! Седьмой знал этого человека. Они несколько раз сидели рядом на банкетах, встречались на совещаниях в Строй комитете. Это был Коротков. Точно! Паша Коротков. Знал ли об этом Второй? Нет! Конечно, это случайность... Но это значительно сложнее – стрелять в знакомого... Да, но патроны-то холостые!...

Он осторожно навел прицел в грудь бегущего, выдохнул, замер, зажмурился и плавно вдавил спусковой крючок...

Коротков услышал хлопок и ощутил зловещий комариный свист и рывок где-то около шеи – пуля прошла воротник его куртки. Он мгновенно остановился и, пытаясь сохранить равновесие, повернулся к лесу – ему показалось, что кто-то спрятался там, в десяти метрах от него, за трухлявым пнем.

... Он увидел и успел зафиксировать в своем сознании вспышку. Второго хлопка он не услышал. То-ли глушитель у Магнума был лучше, то-ли Коротков просто не успел. Времени не хватило...

Седьмой не мог потом вспомнить как оказался у тела, зачем стоял перед ним на коленях и прижимал к себе и что бессвязно бормотал. Но он четко запомнил спокойствие Второго, который стремительно перемещался вокруг трагической пары и фотографировал их, выбирая самые удачные ракурсы.

– Пора, Седьмой. Линяем... Положи ты его на землю. Что ты, как Иван Грозный с сыном... Ты смотри как испачкался – весь в крови. Рубашку снимай и давай сюда. Я тебе в машине найду что-нибудь.

– Но, я не хотел... Все это не так. Они же были холостые. Правда же?

– Были холостые. Почти все! А один из ста – боевой. Был такой разговор?

– Был.

– Вот ты, Седьмой, на этот один процент и нарвался, Везунчик, блин. Ловко ты его врезал. А я тут с тобой расхлебывай. Вроде соучастника.

– Но...

– Никаких «но»! Натворил делов! Бежим от грехов подальше.

– А зачем... фотоаппарат?

– Я так, Седьмой, для памяти. На долгую добрую память. Чтоб и я, значит, не забыл и ты чтоб помнил.

Глава 1

Савенков заставлял себя сосредоточиться и думать только о деле. Надо было наблюдать, оценивать, запоминать, анализировать...

Место для такой работы было не самым подходящим. Здесь, на кладбище, в толпе суровых и незнакомых людей, окружавших свежую могилу, он чувствовал себя очень неудобно.

А еще мешал дождь – мелкий, надоедливый, не прекращавшийся с самого утра. Люди сутулились, поднимали воротники, прикрывались зонтами. Савенков никак не мог взглянуть в их глаза, рассмотреть их лица, искаженные струйками воды и маской печали... Периодически к нему протискивался Павленко и, оттащив в сторону, требовательно шептал:

– Ты смотри, Игорь. Здесь он должен быть. Убийца всегда на похороны приходит...

– Так это в кино... И вообще сомнительно, что это убийство.

– Как это «сомнительно»? Это кому сомнительно? А я уверен, что это убийство! Не мог такой человек сам уйти. Я его десять лет знал. Не мог такой человек сам себя... жизни лишиться. Он, знаешь, как ее любил, жизнь-то? А я – знаю... Короче, смотри в оба глаза. Я чувую, что здесь убийца, среди них. Ты сыщик, в конце концов, а не хвост поросычий. Потом сомневаться будешь, когда эту паскуду найдешь...

Павленко, завершив свой монолог, схватил Савенкова за руку и крепко сжал ее, демонстрируя веру в небо и жажду мести. Потом он осторожно нырнул в толпу, пробираясь к молодой вдове, которая с отрешенным видом стояла в окружении заплаканных причитающих старух.

... Игорь Савенков хорошо понимал, что эмоции Павленко мало соотносятся с фактической стороной дела. Покойного – Владимира Маруева обнаружили три дня назад в его городской квартире. Здесь он появлялся очень редко. Последнее время осваивал с женой новенький особняк в Завидово.

В то утро шофер Маруева, не дождавшись своего начальника у подъезда, поднялся наверх и долго звонил, а затем настойчиво стучал в дверь квартиры. Потом, чувствуя неладное, он полетел на фирму, которую возглавлял Владимир Антонович Маруев, а оттуда – в Завидово. Когда он привез жену шефа Валентину, около квартиры их уже ждал начальник охраны фирмы. Так что дверь они вскрывали втроем.

Маруев лежал на полу в центре большой комнаты, а рядом на журнальном столике был аккуратно разложен полный набор предметов, подтверждавших картину произошедшего: жгут, закопченная чайная ложка, вскрытые ампулы, спички, пустые бумажные пакетики и шприц.

Все это Савенков узнал только вчера от молоденького следователя. Похоже, что это было его первое самостоятельное дело и он всячески демонстрировал свою дотошность, осведомленность, готовность серьезно рассматривать любую версию. Особенно его рвение усилилось, когда он понял, что Савенков не просто родственник или знакомый покойного, а руководитель самой «Совы», того знаменитого детективного агентства, о котором в милицеской среде уже начали ходить легенды.

Следователь даже встал из-за стола и представился Савенкову по всей форме. Собираясь он и козырнуть, но вовремя вспомнил присказку о «пустой голове, к которой руку не прикладывают». Он только невнятно махнул в воздухе ладонью и добродушно заулыбался:

– Лейтенант Борко. Веду дело о самоубийстве Маруева... А я о вас много слышал, Игорь Михайлович. Нам курсовой офицер рассказывал, как ваши ребята в Крыму банду разоблачили и сокровища нашли. Это надо же – сорок чемоданов!

– Ну, не сорок, а двадцать шесть... Правда, там еще два сундука было и мешки. Так что, на сорок чемоданов бы хватило... А как же вас звать – величать, лейтенант Борко?

– Вадим. Вадим Борисович... Я понимаю, вы свое следствие будете вести? Но тут очень мало шансов. Чистое самоубийство. Я сам все версии отработывал: убийство, доведение до самоубийства, случайный «передоз».

– Что?!

– Передоз. Передозировка наркотика. Так сейчас все говорят. Жаргон. Сленг.

– Понятно, Вадим. Отстал я от жизни... Так что, считаешь – убийством здесь и не пахнет? Или есть какие-то зацепки.

– Практически – нет. Следы борьбы отсутствуют. Отпечатки везде только его, Маруева. Дверь на замки была закрыта, а не на внутренний засов. Готовился, не хотел, чтоб новую дверь ломали. Так?

– А ключи? Нашли ключи? На замки-то дверь могли и снаружи закрыть.

– Нет... ключей я не видел, – лейтенант понял, что допустил оплошность. – Мы обыска не проводили. Ключи лежат себе где-нибудь на полочке. Надо было у жены... у вдовы его спросить.

– Ну это потом, после похорон... А еще что-нибудь есть?

– Врач мне звонил час назад. Он у этого Маруева кроме наркотика еще и снотворное в крови нашел. И очень большое количество.

– Значит и тут – «передоз».

– Вроде того... Так я пачку от этого снотворного видел. На столике рядом с ампулами лежала. А что? Если решил самоубиваться – наглотался для верности таблеток, и за шприц... Логично?

– Логично. А стакан? Как он таблетки эти запивал? Не жевал же он их?

– Да, стакана там не было... Отнес на кухню и вернулся... Так ведь он записку оставил, Игорь Михайлович. Почти предсмертная. Правда, куца какая-то...

Савенков взял узкую полоску бумаги. Несколько фраз. Нет ни обращения, ни подписи, ни даты:

«Все, что случилось, это не просто ошибка или беда – это, прежде всего, моя вина. И жить с ощущением этой вины невыносимо. Выбор свой я уже сделал и меня не остановить. Остался последний, решительный шаг».

... Все это Савенков узнал вчера вечером. Копия этой записки и сейчас лежала у него в кармане. Впрочем, она не очень была ему нужна – он успел выучить наизусть эти несколько строк, эти четыре предложения.

Странная записка. Почему на обрезанной трети листа? Почему не сделать три шага и не взять в столе полный лист отличной финской бумаги? Не сэкономил же, в конце концов? Тем более он, Маруев, который, пожалуй мог бы и бумажную фабрику прикупить... Странно, но бывает: попался под руку обрезок листа – на нем и написал.

А текст? Ладно, что нет в нем обращения и подписи – писал для всех. Не официальный же документ, не завещание... Но и не обязательно предсмертная записка. Мог ли этот Маруев написать такой текст в другой ситуации? Очень даже мог. Решил, скажем, с женой развестись. Пишет ей письмо: «Так и так, дорогая. Встреча наша была ошибкой, моей бедой, моей виной. Жить с этим невыносимо. Я все решил. Осталось последнее – пойти и расторгнуть...» Подходит! Каждое слово, каждая буква. И понятно, почему лист обрезан. Далее могла следовать: «А после развода ты получишь старую ондатровую шубку и все украшения из янтаря. А еще кухонную посуду, к которой ты не притрагивалась. И все!» Чем, однако, не повод для убийства.

Красивая версия! А если это письмо компаньону, с которым они долго и упорно пробивали кредит на строительство, допустим, больницы или детского сада, а потом аккуратно его прокрутили и промотали. Опять все подходит: ошибка, беда, вина, невозможно жить, остался последний шаг – идти в милицию и сдаваться. Компаньон приходит, уговаривает,

уламывает Маруева, пытается усыпить внезапно проснувшуюся в нем совесть, а затем усыпляет его самого и вкатывает пять доз героина. Во, сюжет! Да, Савенков, тебе бы писателем быть. Сочинение версий всегда было твоим коньком.

... Тем временем могильщики завершили сооружение огромного шалаша из венков и, получив щедрую сумму «на помин души», гордо направились к очередному объекту своей нескончаемой работы.

Дождь кончился почти одновременно с завершением церемонии и многие уже осторожно потянулись к выходу. Их остановил неожиданно звонкий властный женский голос. Савенков впервые услышал жену Маруева – Валентину:

– Господа! Не расходитесь... Я понимаю, что не все смогут посетить сегодня наш дом. Я прошу помянуть Владимира Антоновича прямо здесь. Все готово, – она решительно махнула рукой в противоположную сторону, где за кустами, на свободной пока еще площадке расторопные молодые люди незаметно для всех установили пять легких складных столиков и быстро выставляли на них бутылки, пластиковые стаканчики, коробки с закуской. Во главе стола стоял Павленко и, раздавая короткие команды и активно жестикулируя, дирижировал всем процессом.

В этот момент кто-то подскочил к Савенкову и, схватив его за плечи, развернул к себе. Они несколько секунд стояли, вглядываясь друг в друга.

Савенков всегда считал, что у него плохая память на лица. То есть, лица он запоминал, но не всегда мог сообразить, кому они принадлежат. Но эту физиономию он узнал сразу. Она мало изменилась за двадцать пять лет. Правда, наметились залысины, но уменьшение волос в этом месте компенсировалось появлением пышных усов. Но основным было не это – прежним осталось круглое, как блин, лицо с явными азиатскими скулами, маленькие хитрющие карие глаза, а главное – брови, живые, постоянно двигающиеся брови.

Это, несомненно, был Карин, Юра Карин, с которым Савенков около года прожил в одной комнате в общежитии Минской школы КГБ. Он был из Гомеля или из Гродно. Последние двадцать пять лет они почти не встречались. Только однажды случайно столкнулись и несколько минут поговорили в коридоре дома номер два на Лубянке. Карин тогда очень спешил. Он приехал в Москву всего на один день утрясать детали какой-то важной операции. Это было его первое самостоятельное дело, его первый настоящий шпион, которого он готовился брать при изъятии тайника. Все потом провалилось, но Савенков этого не знал. Зато он отлично помнил вдохновенное лицо Карина в тот день, охотничий азарт в его глазах...

– Ну, Игорь, узнал меня? Вижу, что узнал. Меня все узнают. Усы отпустил – все равно узнают.

– Да, Юра, меня трудней узнать. Потолстел и полысел...

– Все нормально, Савенков. Я тоже не очень оброс за эти годы... Пойдем к столам, пока там не все еще выпили... Или ты на поминки поедешь?

– Нет, не собирался.

– И правильно, Игорь. Я все разведаль. Они там очень узкий круг собирают. Как говорится – родные и близкие. А ты его хорошо знал?

– Да, встречались, – Савенков по привычке ответил уклончиво – это всегда у него хорошо получалось, – Давай помянем, а потом – за встречу. Не самое, правда, удачное место для такого тоста.

Вокруг столов собралось очень много молодежи. Похоже, это были рядовые сотрудники Маруевской фирмы. С каждой минутой приглушенный в соответствии с обстановкой шепот становился все более оживленным и заинтересованным. Всех их интересовала перспектива. Маруев был, конечно, неплохой начальник. Нормальный был мужик. Хозяин. А как начнет мести новая метла? И не развалится ли фирма? Не разгонят ли всех?

Топтать мокрую траву не очень хотелось. Карин без особой суеты умыкнул со столов самое необходимое и, сохраняя солидность, начал увлекать Савенкова к дальней боковой дорожке. Здесь было тоже влажно, но все же это была земная твердь, а не грязно-зеленое месиво.

– Я полагаю, Савенков, мы не будем подходить к новоиспеченной вдове. Лично я ее знать не знал. Слышал кое-что, но все не в ее пользу... Красиво я излагаю, дипломатично? Пусть она живет как хочет. Такого мужика до ручки довела.

– А его-то ты хорошо знал?

– Володю?

– Ну да, Маруева.

– Я, брат Савенков, не просто его знал. Я его чувствовал. Душевный контакт был. Он мне часто в жилетку плакался. Он ко мне-то на фирму пришел из-за нее. Расслабиться надо было, оттянуться, стресс снять.

По пустынным боковым дорожкам они удалялись от печального места, которое сотрудники бывшей Маруевской фирмы «легкомысленно» начали превращать в пикник.

Так получилось, что Карин во всем взял на себя инициативу. Он шел чуть впереди, определяя темп и направление. Он же как держатель бутылки определял места остановок для очередного тоста.

– Теперь давай, Савенков, за успехи в нашем бизнесе.

– Давай... Я только не понял, чем ты занимаешься? Как это у тебя богатенькие расслабляются, напряженку снимают? Ты что, Карин, массажный кабинет содержишь? Или этот... тайный дом свиданий?

– Шалишь! У меня все по закону. Формально – охранный фирма. Все нормально. Все крутится – сорок объектов покрываем. Так я еще курсы безопасности для самих клиентов сделал. И не лекции какие-нибудь. Все на практике. Стрелять учим. Инсценировки всякие. Я, брат, трех актеров нанял. Так двое уходить собрались, у них, видишь ли, производственная травма.

– Это как это?

– Жена одного банкира их допекла. Мы с ней проходили попытку изнасилования. Так она им – все как учили, но на полном серьезе. А это – крик во все горло, коленкой между ног, авторучкой в брюхо, расческой по глазам... Смех!

– Это нам с тобой, Карин, смех. А ребята-то как?

– Да, им не до смеха было. Этот, что коленкой получил – час разогнуться не мог. И от расчески шрам остался. Хорошо хоть в лоб попала, а если бы в глаз?

– А с авторучкой как?

– Сломалась, слава богу. А я так серьезно продолжаю ее обучать: «Видите, мадам. Надо с собой «Паркер» носить, а не дерьмо турецкое. «Паркер» по самый колпачок в живот бы вошел...» Смех!.. Слушай, Савенков, приходи завтра ко мне, там и поговорим. Я тебе еще про «Нож» расскажу.

– Что это еще за нож?

– Это самое интересное. «Нож» – это новое ощущение жизни. Я сам придумал. Курсы такие. Их-то Маруев и посещал... Но давай все завтра. Мы с тобой хохмить начали, а не то время и не то место. Здесь о вечном надо думать... У меня осталось еще немного. Разливать?..

Два открытых чемодана лежали прямо на столе, в центре огромной комнаты, где еще вчера проходили поминки. Об этом печальном застолье напоминала лишь стоящая в коридоре коробка, в которую было брошено черное платье хозяйки и груда грязной одноразовой посуды.

Маруева металась по комнатам, периодически возвращалась к чемоданам с охапкой вещей. Она суматошно отбирала нужное, сбрасывала в угол все остальное и бежала за новой порцией.

Делала она все это демонстративно, изредка поглядывая на бородатого парня, спокойно развалившегося в кресле. Неужели этот франт, этот балбес не понимает всю серьезность своего положения? Ей хотелось встряхнуть его, ударить, разозлить... Де чего у него спокойное, надменное, глуповато-мерзкое лицо! Можно просто выгнать его и уехать самой. Но сейчас они повязаны, они в одной лодке. И не удастся спастись поодиночке.

Прибежав с очередной кучей вещей, Маруева вдруг замерла в центре комнаты, бросила все на пол и, сделав несколько вялых шагов, медленно опустилась на диван.

– Послушай, Леонид, – начала разговор Маруева каким-то обреченным голосом. – Ты понимаешь, что через час у нас поезд.

– Понимаю, не дурак. Я готов. Я даже деньги взял на всякий случай – вдруг ты меня увезешь на этом поезде и бросишь на произвол жестокой судьбы... Кстати, а почему мы в Сочи едем поездом? Я предпочитаю на юг – самолетом.

– Милый, а ты действительно глупец, олух, остопоп, балбес!

– Великолепный запас слов! И очень доходчиво. Я сразу понял, почему мы не летим на юг, а будем трястись сорок часов в поезде...

– Мы не летим, Леня, мы не едем – мы бежим. А бежать надо не оставляя следов, – Валентина говорила с ним, как с ребенком, ласковым, поучающим и ехидным голосом. – Запутывать нам надо следы. А на самолете паспорт надо предъявлять. Выследить нас могут... Впрочем, на поезде мы можем до Харькова доехать, а оттуда – полетим. Там и паспорта показывать не страшно. Заграница. Им наши убийства до фени, у них своих хватает.

* * *

Леонид молча встал, взглянул на часы и начал без суеты закрывать чемоданы. Казалось, что он решает для себя что-то важное, продумывать свои действия. И действительно, покончив с непослушными замками и ремнями, он неторопливо повернулся, расправил плечи и начал ответную речь тоном официального заявления:

– Я, Валентина Петровна, готов сопровождать вас куда угодно. В Сочи, в Ниццу, в Магадан, наконец. Но давай поставим надо всем свои точки. Это тебе надо замечать следы, это тебя могут выследить. А я только при тебе. Знаю все и молчу.

– Постой, что ты знаешь?

– Ну, не знаю, так догадываюсь. И я восхищаюсь тобой. Не всякая баба может вот так лихо своего мужа... устранить. Ты, Валентина, молодец!

– Ты что, ошалел? Крыша поехала? Мне-то зачем это надо было? Я бы его всю жизнь доила. Рисковать-то мне зачем?

– Резонный вопрос – зачем. Зачем? А затем, что как мужик он тебя не удовлетворял. Хотел, но не мог. Это первое. Дальше – обо мне он догадывался и злился. Денег тебе давал в обрез. Ты даже машину нормальную не могла мне купить. На девятке езжу! И развестись он мог очень просто. И оставил бы тебя без гроша. А сейчас ты наследница... Давай, кстати «Хонду» купим, не хочу я на его «Мерседесе» ездить.

– Ты что, Леонид. Все это серьезно? Я и не знаю, как это колоть. Мне уколы всегда в задницу делали. А здесь в вену надо... И шприц! Где бы я шприц достала?

– В аптеке!

– А героин?

– У меня дома. На балконе. Ты прекрасно знаешь, где эта коробочка лежит.

– Вот именно, что у тебя. И оснований у тебя не меньше моего. Если бы мы с Володей развелись, ты бы сейчас о «Хонде» и не мечтал... И потом, ты ведь уже попадался за такие дела.

– Когда это было? Три года прошло. И доказать они ничего не смогли.

– Не доказали, а на карандаш взяли. На тебя у них если не досье, то уж карточка наверняка есть: «Леонид Жидков, подозрение в торговле наркотиками...» И еще, Леонид. Вчера на кладбище сыщик был, – Валентина понизила голос и произнесла последнюю фразу весомо, как самую важную новость.

– Ну и что страшного?

– Это не просто сыщик. Это корифей своего дела. Мне муж так о нем говорил. Мол, всегда он своего добивается, носом землю роет. Нас даже знакомили когда-то, но я фамилию его не помню. Соловьев или Сычев...

– Птичья фамилия?

– Да, но внешне я его запомнила: толстый, лысоватый, добродушный. С виду – простак, но корифей. Глаза такие пронзительные... Тебя все время высматривал.

– Ты, Валентина, не выдумывай. Меня там и не было вовсе.

– Вот именно! Он как это понял – подозвал помощника и они быстренько так вглубь кладбища ушли. Тот еще бутылку водки со стола прихватил – для конспирации.

– А почему они к выходу не пошли?

– Не знаю, Леонид. Я думаю, их там группа захвата могла ждать.

– А кого захватывать?

– Ну не меня же. Я все время там была. Этот сыщик на меня и не взглянул.

Раздавшийся неожиданно звонок в дверь показался чужим, настойчивым и тревожным. Леонид расправил плечи и осторожно направился открывать. При этом он театральным жестом разминал кисть правой руки, готовясь к возможной битве.

За дверью стоял аккуратный молодой человек с широкой приклеенной улыбкой:

– Такси заказывали? Машина у подъезда... С вещами надо помогать?

* * *

Савенков позвонил Павленко прямо с Петровки, из нового генеральского кабинета Дибича. Для дела этот звонок совершенно не был нужен. Но уже очень хотелось чтобы этот тип открытым текстом услышал, что о нем говорят его школьные друзья. Это он для своих подчиненных – генерал. Они-то ему правду в глаза не скажут. А так – пусть послушает голос народа.

– Вот что, Павленко, зря мы с тобой его генеральские звезды обмывали. Рано их ему дали. Сыроват он еще. И трусоват... Да, как я и говорил. Дело они заводить не собираются. Отсутствие события. Нет формальных обстоятельств. Боится! Висяка лишнего на свою шею боятся... Нет, помогать обещает. Обещать они умеют! Одним словом я тебя поздравляю, Павленко. С такими генералами мы скоро погрязнем в убийствах и наркотиках.

Дибич сразу понял, что ему предстоит. И он знал, что ему надо просто выждать три минуты. Он откинулся в своем широком кресле, покручивал усы и иногда, в самых острых местах удовлетворенно улыбался.

– Остыл? Излил душу?... Ты зря, Савенков, тогда в театральный не пошел...

– Поступал – не взяли.

– Ошиблись они. Черствые и бездушные чиновники от искусства. Такой талант не углядели. Из Качалова сыщика сделали... Правда, тебе и в твоём КГБ играть приходилось: проникновение в среду, подставы, вербовки. Чем не театр?

– Театр, Дибич, театр. Вся наша жизнь – театр. Давай ближе к сюжету. Дело заводить не будешь?

– Не буду!

– И не надо. Сам справлюсь. Чем будешь помогать?

– Вот это другое дело, – Дибич с видом победителя хлопнул в ладони и начал раскладывать на столе документы. – А ты сразу за телефон хвататься. Уважаемого бизнесмена беспокоить. Нехорошо... Смотри. Есть там в районе симпатичный парнишка, следовательно... забыл я его фамилию, но очень толковый, много накопал.

– Вадим. Вадим Борко. Был я у него позавчера.

– Значит ты уже кое-что знаешь. А у меня он сегодня был. Значит, я больше тебя знаю... Давай по порядку. Записка! Написана, бесспорно, Маруевым. Но! Есть, понимаешь, одно «но». На ней лежал лист, а на нем писался другой текст. Слушай, что удалось прочесть: «... Сегодня Кавторадзе, а завтра меня. Не будет этого! Я ставлю вам...»

– Не понятно.

– А зачем ты был бы нужен, Савенков, если бы все сразу было понятно? Выясняй... Эти два документа могут быть и не связаны. У Маруева на столе могла пачка бумаги лежать сколько угодно. Написал кому-то письмо про Кавторадзе, а через неделю на следующем листе ту последнюю записку. А мы сейчас гадаем.

– А может быть и связаны. Одно было письмо. Убийца вырезал из второй страницы подходящий абзац и к трупку подкинул. На дурачков рассчитано. И ты, Дибич, Заглотнул. Ты почувствуй, это же угроза какая-то, вызов: «Не будет этого!»

– Может быть и угроза... А ты знаешь, Савенков, что месяц назад в «Московском комсомольце» была разгромная статья об амурных похождениях Кавторадзе. А они с Маруевым корешковали. И представь: Маруев обиделся за друга и пишет в газету, редактору Гусеву: «Вы всех в аморалке обвиняете. Сегодня Кавторадзе, а завтра меня. Не будет этого! Я ставлю вам ящик шампанского и давайте жить дружно». Что, прокурор, подходит? Вот тебе и угроза. Это я, конечно, выдумал. Предположим. Версия, так сказать. Но возможно, что ты на пустом месте копаешь. Для убийства все очень хитро сработано. Сейчас все проще – бомбы, пистолеты, снайперы.

– Еще что-нибудь есть?

– Есть... Маруев колотился первый раз. И сразу в вену попал. И в левую руку. А он левша. Он скорее всего шприц бы взял в левую.

– Понятно. А еще?

– Помогать тебе, Савенков, будет тот парнишка...

– Борко?

– Да, Вадим Борисович Борко. Я сам его попросил.

– Снизолел?

– А ты что думал? Часто ли генералы лейтенантов просят?.. Так вот тебе от Борко список: трое, кто должен был Маруеву деньги. Каждый – довольно кругленькую сумму. И расписок их Борко не нашел – где они должны были лежать – выяснил, а папка пустая... И еще – у жены Маруева был любовник. По описанию – очень скользкий, мерзкий тип. Борко обещал его установить.

– Все?

– Вот теперь все... Кавторадзе что-то опаздывает.

– Ты что, сюда его вызвал?

– Не вызвал, а пригласил. И заметь, к полковнику бы тот и не поехал, а генерал пригласил – согласился. Удобно быть генералом... Сейчас я попробую его достать... У его секретарши голосочек такой игривый.

Дибич на пару секунд зажмурился, а потом стал решительно набирать номер телефона – он всегда гордился своей памятью на цифры.

В кабинете громко зазвучали длинные звонки – Дибич специально включил громкую связь, давая понять, что по этому делу у него нет от Савенкова секретов. Он даже с улыбкой откинулся в кресле и жестом пригласил послушать разговор.

На другом конце провода вместо обещанного Дибичем нежного девичьего голоса прозвучал хриловатый раздраженный баритон:

– Приемная Кавторадзе.

– Простите, а Ираклий Сергеевич у себя?

– Нет его... Кто его спрашивает?

– Это Дибич... Генерал Дибич, с Петровки. Он ко мне должен был приехать...

– Товарищ генерал, – баритон мгновенно изменился. Став менее хриплым, заискивающим и доброжелательным. – Так это он к вам собирался? А тут машину его грохнули... Взорвали... Я – майор Садиков, из Центрального округа. Ребята внизу работают, а я сюда, в кабинет поднялся.

– Когда был взрыв?

– Минут тридцать назад.

– А где сам Кавторадзе?

– Так машину же... вместе с ним взорвали... Мы дежурному по городу доложили. Я сам звонил.

Дибич положил трубку и, откатив от стола тяжелое кресло, встал. Он смотрел на Савенкова и, подбирая слова, делал руками неопределенные жесты – как будто раздвигал и сдвигал меха невидимой гармошки.

– Вот такая, понимаешь, петрушка получилась... Маруев прав был! Он только в порядке ошибся: сначала его, а потом Кавторадзе... Жаль. Этот Ираклий мог бы нам кое-что рассказать... Жаль.

Глава 2

Ласковый Сочи встречал их неприветливо. Самолет уже выпустил шасси и начал заходить на посадку, но возникшая вдруг стена дождя заставила его вновь набрать высоту и удалиться в сторону моря. Минут десять они кружили под облаками. Уже и стюардесса сообщила, что они берут курс на Новороссийск, но ливень внезапно прекратился и старенький аэропорт Адлер встретил их душным запахом цветов, шашлыка, прелой кожи и мокрого асфальта.

На площади суетились абхазские женщины, пытаясь продать прилетевшим дары своей земли – то, что они смогли пронести через единственный мост на реке Псоу. Мужчин через этот мост не пропускали.

Менее назойливыми были местные таксисты. Они ждали своих пассажиров, тех, кто приехал сюда сорить деньгами, кто получает удовольствие, бросая «шефу» сотню баксов. Таких видно сразу. У них мало вещей, спокойный, надменный взгляд и, главное, они никогда не смотрят в сторону автобусной остановки.

Маруева выглядела именно так. Правда, всю картину портил ее спутник. Леонид Жидков неуклюже тащил огромный чемодан, через каждые десять шагов меняя руку. При этом он аккуратно обходил все лужи и торопливо оглядывался.

Валентина подошла к светлой «Волге», возле которой, поигрывая ключами и ожидая торга, стоял молодой широкоплечий парень. Мельком взглянув на него, она хозяйским жестом открыла переднюю дверцу и плюхнулась на сидение, бросив на ходу:

– В «Лазурную».

– Триста тысяч...

– Разве я спросила – сколько? Я сказала – куда! Поехали... Вещи-то помоги загрузить, водила. Все вас учить надо...

Закрыв багажник шофер с удивлением увидел, что и Жидков устраивается на заднем сидении – он принял его за местного носильщика.

Ехали молча. Хозяин «Волги» хорошо знал, что подобные пассажиры редко склонны к стандартным беседам о ценах на рынке, о чистоте пляжей, о лечебных ваннах и холодном пиве.

Не способствовала разговору и погода. Несколько раз их настигали порывы мощного ливня. Правда, через несколько минут он прекращался также внезапно, как и начинался. Слева бушевало море. В некоторых местах дорога подходила к нему так близко, что казалось волна может накрыть их, перевернуть, закружить, утащить за собой. Но мутно-зеленая громадина, перескочив пляж и ударившись о его бетонные ограждения, взмывала вертикально вверх тысячами искрящихся фонтанов.

Маруеву мало интересовала эта могучая и злая красота. Она машинально смотрела вперед сквозь мутное лобовое стекло и думала о своем. Нет, не о пустой московской квартире, не о недавней смерти мужа, не о реальных опасностях для нее и ее спутника. Она вспоминала свой родной уютный городок Вилково.

...Она не была на родине уже восемь лет, почти треть своей жизни. И за эти годы она нигде не видала ничего подобного. Станный южнорусский говор с примесью украинского, румынского, еврейского. Выходящие на Дунай огромные каналы вместо улиц и проспектов. Маленькие поперечные каналы – проулучки, переулки, тупики. Совсем маленькие каналчики вели прямо за забор, к дому. Над ними навес – это гараж для моторной лодки, единственного и обязательного транспорта. На ней отправлялись в школу, в магазин, в гости. А по хорошей погоде на моторке можно было слетать в Измаил или даже в Ильичевск и Одессу.

Маруева попыталась представить самый важный эпизод своего детства. Что-нибудь самое яркое, нежное, доброе – то, что она хотела бы увидеть еще раз, ощутить, окунуться в это... Родители, школа, маленький домик, ее комната с белыми стенами. Нет, все это не то... Ночные рыбалки в Дунайских протоках, вкус своих персиков, которые можно было рвать прямо из окна. Это уже ближе, но и это не то...

Лицо Маруевой постепенно становилось каким-то спокойным, благообразным, ласковым. Когда она вспомнила то, что хотела, она улыбнулась и отвернулась, прижавшись к прохладному и влажному боковому стеклу. Эта улыбка никак не вязалась с ее нынешним образом и ей не хотелось, чтобы этот молодой симпатичный шофер, постоянно краем глаза наблюдавший за своей пассажиркой, увидел ее такой...

Она опять ушла в свое детство. Интересно, но самым важным оказалось самое простое, обыденное. Почти каждое утро она, стараясь не шуметь, под плеск зеленой воды и легкое ворчание мотора выводила из протока свою лодку и неспешно плыла по каналу. Огромные деревья с обнаженными корнями густо росли по обоим берегам. Где-то очень высоко их кроны смыкались и переплетались, образуя длинную темно-зеленую пещеру.

Деревья были такие старые, что давно должны были бы засохнуть и развалиться. Но они не были одиноки. Старые соседи и молодая поросль постоянно поддерживали друг друга, а теплая и мягкая вода канала и знаменитый дунайский ил обильно кормили их, заставляя жить, жить, жить...

Странно, когда она покидала эти «скучные» места, была уверенность, что стоит лишь получить много денег, продав себя подороже в кишашей богатыми женихами столице, и будет все – свобода, беззаботность, счастье. Сейчас у нее деньги есть. А когда все утихнет, их станет столько, что она сможет купить не только свою «улицу» в Вилково, но и все соседние каналы с их домами, моторными лодками, виноградниками, протоками, плантациями клубники на островах. Только зачем все это?

Маруева отвлеклась от своих мыслей, когда услышала громкий спокойный голос шофера:

– Приехали, мадам... Меня зовут Игорь. Игорь Ломов. Готов и дальше, если понадобится...

– Не понадобится!

Расплатившись, она решительно вошла в холл и, не дожидаясь пока ее догонит Жидков с чемоданом, направилась к тому месту, которое они с мужем всегда называли на заграничный манер – «рисэпшен».

Игорь Ломов тоже проследовал за ними. Он перекинулся парой слов с охранником, а тот нажал на своем пульте несколько кнопок и взглянул на администратора, перед которым стояла вновь прибывшая парочка. Было ясно, что сигнал принят. Особенно через пару минут, когда Маруева начала повышать голос. До Ломова и охранника долетали только отдельные фразы:

– Я бронировала именно пятьсот пятый. И жить я буду только там!

– Простите, маленькая накладка. Но я вас уверяю, Валентина Петровна, что семьсот двадцатый намного лучше. Восточная сторона. Сауна прямо в номере. Телефон даже в туалете есть... Этот номер вас непременно устроит. Он как специально для вас подготовлен...

Ломов улыбнулся и, кивнув охраннику, направился к своей мокрой «Волге». Но ни Маруева, ни Жидков не видели этого. Они стояли спиной к людям, которые только что решали их судьбу.

* * *

Еще три дня назад Савенков считал это дело «пустышкой». Ему казалось, что он достаточно быстро и просьбу Павленко выполнит, и успокоит его, доказав, что смерть Маруева чистой воды самоубийство. Ну, переработал парень, пять лет подряд делая деньги, карабкаясь все выше и выше. Дикое напряжение накапливалось, росло... Другой причины могло и не быть. Был лишь какой-нибудь пустяковый повод. Истерика жены, неудачный телефонный звонок – недостаточно. Все взорвалось, разлетелось, провалилось. Почувствовал себя загнанной лошастью, которую по всем правилам следует...

Об этой первой, лежащей на поверхности версии, Савенков уже и не вспоминал. Сейчас все изменилось. Ясным было только то, что это не самоубийство. Все же остальное с каждым часом запутывалось, переплеталось, усложнялось. Появились новые детали, лица, факты. Рождались и рассыпались версии, будоража охотничий азарт сыщика.

Уже вчера Савенков задействовал весь «обширный штат» своего детективного агентства, раздавая в долгих телефонных разговорах первые задания. А сегодня он объявил полный сбор и уже сейчас четверо сотрудников «Совы» ждут своего «шефа».

Савенков опаздывал. Он мог бы и успеть, но тогда ему пришлось бы от метро «Беляево» бежать почти километр. С его весом и тренированностью это привело бы к тому, что ровно в десять тридцать он ворвался бы в свой офис красный, потный, с ошалевшими глазами и еще минут десять сидел бы под вентилятором, заглатывая кислород. Это было бы еще хуже, так что – пусть ждут. Начальство не опаздывает, оно задерживается.

Офис на первом этаже обычного жилого дома выглядел неприметно. Никаких вывесок. Нормальная трехкомнатная квартира под номером «сорок девять». Тяжелая металлическая дверь и решетки на окнах тоже не очень-то ее выделяют – сейчас многие пытаются защитить себя от «разгула преступности».

Савенкова действительно ждали. На столе в большой комнате остывал кофейник, вокруг которого разместились четверо «совят». Каждый положил перед собой открытый блокнот, над которым в томительном ожидании застыла рука с авторучкой. Четыре руки с четырьмя ручками. Всем своим видом сотрудники показывали, что они пребывают в такой позе уже десять минут и готовы выслушать руководящие указания с «неослабевающим вниманием».

Савенков привык к таким шуткам. Он только машинально вместо приветствия гаркнул всем: «Вольно!», уселся к своей чашке и потянулся за кофейником.

– Итак, господа сыщики, поскольку ночью меня никто не будил, ничего необычного не случилось. Я правильно понимаю?.. Что молчите? Давайте отчеты. Как твоя подопечная, Олег?

Все взгляды устремились на тридцатилетнего статного блондина. Это стало уже традицией – если обсуждалось общее дело, начинали с самого молодого и говорливого, с Олега Крылова. А он, как обычно, старался продемонстрировать свою эрудицию, врожденный оптимизм и полную раскованность.

– Вы правы, Игорь Михайлович. Ничего необычного не произошло. В смысле – экстраординарного. То, что произошло с моей Маруевой, я считаю обычным и даже ожидаемым действием...

– Олег! – взмолился Савенков, – Времени у нас нет. Я сам готов весь день шутки шутить. Но не сейчас. Скоро Павленко заявится, а я обещал ему всю картину обрисовать... Где Маруева?

– Сбежала она...

– Как сбежала?

– С каким-то парнем. На такси. Я и таксиста нашел.

– Как это тебе удалось?

– Долго рассказывать, Игорь Михайлович... Поработал с соседями. Одна бабушка у окошка видела как машина к подъезду подкатила, шофер – в дверь, а затем они втроем вышли, с чемоданом.

– Так эта старушка и номер машины запомнила?

– Она даже цвет не запомнила. Только то, что на крыше шалашик такой был с рекламой водки...

– «Кремлевская?»

– Вот, вот. Значит – такси. И, значит, заказное... Нашел, одним словом. Так этот шофер отвез их на Курский. В квартире, говорит, испуганные очень были. И в пути – молчали... Все.

– И куда же они?

– Я и сам бы хотел знать. Я, Игорь Михайлович, расписание посмотрел. Скорее всего – в Сочи. Но могли и в Тулу, и в Кисловодск, и в Баку, и еще в сотню городов.

– А если они на электричку сели? – вставила Варя Галактионова. – Там проходные есть электрички. И на север и на юг.

– Вот, вот, – продолжил Олег спокойно и рассудительно. – Определить конечный пункт их бегства не представляется возможным.

– А ты определи! – Савенков быстро понял, что последнюю фразу произнес излишне громко, раздраженно и сразу же перешел на спокойный, ехидный полусшепот. – И что это за слова такие: «не представляется возможным». Первый раз от тебя такое слышу. Нет таких крепостей, которые бы ты, Олег, не мог взять... Друзей расспроси, проводников, носильщиков, родственников... Какие сюрпризы у тебя, Варвара?

– У меня без сюрпризов. Нашла всех троих должников, – Варя протянула Савенкову тонкую папку с документами. – Здесь их фотографии, все места работы, данные о семье, сплетни всякие...

– Есть за что зацепиться?

– Пока нет. Но и алиби ни у кого нет. Все были в Москве. Все в сложном положении, на мели – значит долг отдавать Маруеву было нечем. И все – авантюристы.

– Так это все, кто в рынок рванулся – авантюристы, – снова напомнил о себе Олег. – Не авантюристы сейчас сидят и ждут зарплату, а все шустрые, пробивные, деловые – они давно уже деньги делают.

– Плохой ты лингвист, Крылов, – не глядя на Олега, проворчал Савенков. – Да, деловые – делают деньги, а авантюристы делают долги. И долги для них ликвидировать труднее, чем самого кредитора... Давай, Варвара, по каждому, но очень коротко.

Варя взглянула на разложенные перед ней бумаги, поправила очки и сосредоточилась. Она стала похожа на молодую учительницу, начинающую урок. Слишком молодую для своих сорока лет.

Но начать свой, вероятно очень обстоятельный, доклад она не успела. Нервный, требовательный, хозяйский звонок в дверь возвестил о приходе Павленко. В этом никто не сомневался. Так громко и настырно мог звонить только он. И только он мог протиснувшись в дверь занять собой и все пространство холла и всех комнат сразу.

Савенков тоже не был худым. Скорее наоборот. И даже очень наоборот. Но соперничать с Павленко он не мог. Тот был просто крупнее – выше, шире, массивней. И он, очевидно, излучал какую-то энергию, что в его присутствии всем и всегда было тесно.

Без долгих приветствий Савенков усадил гостя на председательское место, всячески демонстрируя, что в офисе «Совы» царит напряженная, деловая обстановка. Как и всегда!

Беседе началась в полной тишине. Павленко с видом обиженного мальчика посмотрел на пустой (в смысле напитков) стол и укоризненно глянул на Варвару. Та изобразила понима-

ние ситуации, виновато потупила глаза, а затем настойчиво и вопросительно перевела взгляд на Савенкова. Он добродушно кивнул и обратил свой взор на одну из дверей серванта. При этом был произведен целый каскад молниеносных жестов. Сообразив, что его сурдоперевод мало кто понял, Савенков пояснил:

– Нам еще работать и работать. Так что ты, Варвара, всем по чуть-чуть налей, только понюхать, а уж гостю – сколько его душа пожелает. Правда, господин Павленко и не гость у нас...

– А кто же я? Хозяин? Одно слово, что контрольный пакет имею. Даже генерального директора сменить не могу. Но и вы без меня не можете. Ловко ты устроился, Савенков... Но за тебя в следующий раз выпьем... Вы, ребята, за меня поднимете... Мне очень не хочется быть третьим.

Павленко опрокинул в себя полный фужер коньяка и стал с интересом рассматривать лица сыщиков. Все замерли, глядя на него и ожидая продолжения. Первым пришел в себя Савенков.

– Ты, брат, артист. Гоголь ты, а не Павленко. Такую немую сцену забабахал. Всех заинтриговал, заворожил, запугал... Что это ты так разволновался? Давай подробности. Колись.

Павленко не стал отвечать сразу. Он машинально потянулся за бутылкой, стоявшей в центре стола, но неожиданно для себя увидел, что его рука дрожит. Главное, он почувствовал, что это увидели все. И теперь все знают, что он, такой больной и так элементарно трусит, мандражирует, дрейфит.

Предательская рука, так и не достигла бутылки, была срочно возвращена на место и туго прижата к столу. Павленко сделал несколько глубоких вдохов, но осознав, что успокоиться ему все равно не удастся, печально взглянул на Савенкова и начал исповедоваться:

– Да, боюсь. Потому что есть основания. Ты не все знаешь, Савенков. Я позавчера у Ираклия был.

– У Кавторадзе? Ты что, знал его хорошо?

– Как тебя. Только что в школе с ним вместе не учился... Его Дибич к себе пригласил, а он решил со мной переговорить – знал, что у меня с этим генералом старые связи... Сидим мы с ним, Ираклий в глаза мне посмотрел, рюмку поднял, – на этой фразе Павленко сделал молниеносный бросок к бутылке и для достоверности сказанного налил себе полный фужер. – Вот так мы сидим, а он и говорит: «Жалко Маруева. Но вчера – он, завтра – я, а послезавтра – ты». Что, каков сюжет!?

– Да, Павленко, есть повод... оробеть. Вчера я... Ну, не было меня в Москве... Выездное совещание.

– Понятно.

– Что тебе понятно, Савенков? Ты не за моим моральным обликом следи. Тут жизнь на волоске висит... А с этим я скоро завяжу. Стану примерным семьянином. Я вам еще в прошлом году обещал.

– Верим!.. Так может быть Кавторадзе это просто так сказал, размышляя о бренности бытия.

– Тогда я тоже так подумал. Я ему даже сказал: «Точно, брат. Все там будем». Но когда меня сегодня Дибич огорошил, я все вспомнил и... сразу к вам.

На несколько минут в комнате зависла тишина. Все понимали, что привычная для «Совы» атмосфера общения с полушутками и самоиронией не очень сейчас подходит. Не тот случай. Две смерти подряд и намек на явную угрозу для Павленко, для основателя их фирмы, для их благодетеля, спонсора и просто хорошего мужика – здесь не до улыбок... Все добросовестно переваривали полученную информацию, боясь даже скрипнуть стулом.

Савенков тоже молчал, но четко понимал, что все ждут от него руководящих указаний. Такова участь начальника. В сложной ситуации где должен быть командир? Вот именно, и

на лихом коне! Сейчас это значило – сказать что-нибудь умное или даже мудрое, поставить четкие задачи, приободрить своих сыщиков, успокоить Павленко.

Изобразив на лице глубокомыслие и непоколебимую уверенность, Савенков громко хлопнул в ладони, привлекая к себе внимание:

– Значит так! Ситуация серьезней, чем всем нам хотелось бы. Прежде всего надо не допустить эксцессов.

– И прежде всего со мной! – резонно заметил Павленко, у которого постепенно напряжение и страх сменялись на добродушие и браваду. – Я в вас верю, ребята. Мы всех этих гадов повяжем!.. Но эксцессов нам не надо.

– Верно! Прежде всего охрана жизни любимого нами господина Павленко. Илья, – обратился Савенков к молчавшему до сих пор Ермолову. – Ты же у нас пограничник?

– Бывший.

– Так вот, как ты раньше Родину охранял, теперь будешь беречь Сергея Сергеевича.

– Так он, – не вытерпел Олег Крылов, – три ряда колючей проволоки соорудит вокруг дома и овчарок приведет.

– Возможно! – спокойно продолжил Савенков, – Но не здесь. Сегодня чтоб духа вашего в Москве не было... Махните в Турцию. Туда без визы можно... Сергей, у тебя деньги с собой есть?

– Как всегда... Но, как все это объяснить? – Павленко сделал многозначительный жест, указав пальцем куда-то себе за спину.

– С женой я договорюсь, – однозначно понял его Савенков. – Твоя благоверная пока только мне и верит. Уговорю как-нибудь... С этим решили. Далее: Кавторадзе нам не по зубам. Там взрыв, шум, резонанс. Пусть разбираются те, кому это по штату положено. Наше дело – побольше информации у Дибича выудить. Это за мной... Следующее: жена Маруева и ее любовник. Запишем за Галактионовой. Попытайся их найти, Варвара, и действуй по обстановке... Должники и другие связи Маруева. Это я беру на себя.

– А мне что остается? – Крылов готов был обидеться, как мальчик, у которого отнимают игрушку. – Все основные версии разобрали.

– Тебе, Олег, самое ответственное. Звонил мне вчера некто Карин. Старый мой знакомый. Мы с ним в Минске в свое время чекистскому мастерству учились. А тут я его на похоронах Маруева встретил.

– Знаю я этого Карина, – с некоторым запозданием вставил свою реплику Павленко. – У него элитный клуб есть. Спортивно-оздоровительно-развлекательный.

– Вот именно, что развлекательный. У него для богатой и скучающей публики что-то любопытное есть. Со стрельбой и погонями... Я точно не знаю, что это есть, но Маруев это заведение посещал часто.

– Он и меня звал, – опять оживился Павленко, – Но у меня... обстоятельства не позволили. У них там даже ночные занятия есть. Это мне не подходит.

– Теперь тебе, Олег, придется отдуваться. Быстро давай сформируем легенду и отправляйся поизучать клуб этого Карина... Скажем, ты – дальний родственник господина Павленко. Он, как в себя придет, выдаст рекомендательный звонок. Жил ты в Севастополе. Заработал гроши на горилке, сейчас устал и хочешь активно развлекаться.

– А нам когда возвращаться? – бодро поинтересовался уже совершенно успокоившийся Павленко.

– А мы вам скажем. Вы звоните периодически. Только не сюда и не домой... Дибичу, на Петровку – их, возможно, еще не прослушивают.

Глава 3

Павел Тучков просто высиживал время. До назначенной на шесть вечера встречи с агентом оставалось еще два часа. Так что минут сорок, а может быть и больше, можно просто посидеть в своем кабинете и насладиться «ничегонеделаньем». Он сам придумал это слово и был этим горд. Нет такого слова в русском языке. Занимаются этим все и часто, а слова такого нет. Странно...

Есть, конечно, понятия «бить баклуши», «гонять собак», «плевать в потолок», «болтаться без дела». Но, заметьте, при этом надо всегда что-нибудь делать. Кого-то гонять, куда-то плевать, где-то болтаться. А баклуши. Это вообще парадокс, загадка русской души. Баклуши – это такие бруски, заготовки для деревянных ложек. И какой-то лентяй целый день бил, а точнее – рубил их топором из целого бревна. Ничего себе дядя отдыхал!

Павел откинулся в кресле и зажмурился. На улице жара только начинает спадать, а здесь, в бетонном кубике на Лубянке прохладно. Это зря говорят, что эти реформаторы полностью развалили органы безопасности. Кондиционер-то еще работает.

Стоило бы прошвырнуться по кабинетам и удостовериться кто из дюжины его подчиненных еще трудится на благо Родины. Но он и так знал. На месте должен быть один Кудюков. Наверняка подшивает дела, закрывает сигналы, пишет описи. Это он готовится к проверке секретного делопроизводства, которая неизбежно нагрянет через два – три месяца. Чуваш он Кудюков, что с него взять. Зато всех остальных в нехорошем свете упомянут в «Справке о проверке...», а он будет чист и горд... Бог с ним... Кстати, а какой у него бог? Во всех бумагах до сих пор есть графа о членстве в КПСС, а вероисповедания нет. На православного он не тянет. Вроде и не мусульманин и не иудей. В бане вместе были. Правда, мог и не обратить внимания...

Тучков начал лениво вспоминать местонахождение остальных своих «гавриков». Двое, якобы, болеют. Один – копает колодец на даче и кто-то его пугает. И правильно – еще не хватает чтоб этого дачника завалило на его шести сотках. Для начальника что самое главное – жизнь и здоровье его подчиненных.

А где еще трое? Так, сегодня четверг. Они уже заступили на дежурство в ночном кабаке «Хромая собака». А завтра будут отсыпаться в своих кабинетах. И будут уверены, что Тучков их не побеспокоит. Он знает о их «подработках», но и они о нем много знают. Так что, все будут молчать. И правильно, раз государство их работу оценивает по три доллара в день. Тут без приработка на обойтись. Или что – купил семье по «Сникерсу», съел и порядок?

Тучков посмотрел на часы, которые тикали на его руке еще с доперестроечных времен, и начал лениво собираться. Встреча на явочной квартире – особый ритуал. Он, как профессионал, не мог упростить его даже в период всеобщего разгула свободы. Надо прибыть на квартиру намного раньше агента. При этом необходимо долго проверяться, петляя по переулкам, не увязался ли за тобой «нехороший человек». Очень желательно иметь план беседы, темы, наводящие вопросы. И обязательно – чай, сахар и чистая бумага для «шкурки».

Бедные агенты! Они даже не предполагают, что основная цель опера при встрече – содрать с них «шкурку», агентурное сообщение. Устную информацию к делу не пришьешь. Начальство будет считать такую «явку» пустышкой. Даже если ты сам что-нибудь напишешь, сославшись на «нецелесообразность отбора письменного сообщения по оперативным соображениям».

Павел Васильевич аккуратно закрыл сейф, и, поплевав на маленькую медную печать, придавил ее к пластилиновой кляксе на косяке старого металлического шкафа. Отпечаток получился четкий – в центре номер и по кругу «УКГБ по Москве и МО». Эта печать протирала карманы Тучкова уже почти пятнадцать лет. Он знал, что их хотели заменить, но, когда

название конторы стало меняться так же быстро как и фамилии их самого главного начальника, притормозили – меди на эти печати не напасешься. Сейчас вроде держится «ФСБ». Надолго ли? Это же как курс доллара – стоит, стоит и вдруг «бах». Какой-нибудь черный четверг или красная пятница.

Тучков еще раз осмотрел кабинет. До этого он дважды оставлял включенный кипятильник. Хватит! Так можно и погореть.

Уже в коридоре, запирая дверь, он проверил нагрудные карманы и улыбнулся, вспомнив старую байку, десятилетиями витающую в чекистских курилках. Дело было в бериевские времена. Вызывают старого опера на ковер и давай песочить: «Исключим! Выгоним! Арестуем! Соседи ваши сообщают, что вы верующий, каждое утро перед дверью креститесь». Тот испугался, на сообразил и объясняет: «Все не так! Врут соседи. Я честный и преданный. Это у меня проверочка перед выходом, просто взмахи правой рукой: фуражку не забыл, ширинка застегнута, удостоверение в правом кармане, партбилет – у сердца».

... Выскочив на Малую Лубянку, Тучков проходными дворами добрался до Мясницкой. Шел он неторопливо. Дважды остановился покурить. Похоже, что все чисто, «хвоста» нет. Но он автоматически продолжил проверку. На несколько минут зашел в рыбный магазин, где над новым великолепием товаров витал сохранившийся еще с застойных времен запах ржавой селедки. Затем посетил китайский чайный магазин, где наоборот почти выветрился старинный сладостный запах кофе и шоколадных конфет – «Арабику» загнали в вакуумные упаковки, а их «Сникерс» не пахнут, как наши «Мишки». Те, из детства.

На метро Тучков доехал до Сухаревки и еще через пять минут, оглянувшись в последний раз, вошел в еще сохранивший остатки былого великолепия подъезд старинного дома в начале Проспекта Мира.

Он очень дорожил своей явочной квартирой, любил ее, холил, лелеял. И было за что. По нынешним временам даже маленькая камерка была для опера роскошью. А тут – пятикомнатная и в центре. Правда, жильцы из дома давно были выселены и рано или поздно должна была начаться реконструкция. Но Тучков знал, что «рано» это не будет. Это будет поздно, очень поздно. Дом оседлали две фирмы, у которых денег на строительные работы не было, но было много бумажек с резолюциями, много амбиций и желания бегать по судам. Проигравшая в суде фирма писала протест в следующую инстанцию. А пока дойдет до рассмотрения – год свободы. Затем писала жалобу другая фирма – и еще год ждите. Полнейшее торжество демократического судопроизводства!

Три года назад Тучков прихватил руководителя одной из этих фирм на мелкой взятке, а тот откупился целой квартирой. Все равно пустая. Так что – живите, пользуйтесь, владейте помогите, в общих интересах, затянуть эту волынку с реконструкцией.

Тучков успел обставить мебелью только две комнаты. Ближайшая ко входу была приемной, а дальняя – это уже личные апартаменты. С диваном, холодильником, зеркалом... Он понимал, что злостно нарушает законы конспирации. Нельзя водить посторонних на явочную квартиру. Но, каждая из этих посторонних могла рассматриваться как кандидат на вербовку. Он же не с улицы их брал. Сотрудницы солидных фирм. А именно там нужны свои люди, надежные и проверенные.

Да и что правила! Кто и когда их писал? Может быть, имелось ввиду: «Нельзя приводить... в момент проведения явки». Вот это Тучков соблюдал свято. Никогда никаких совещаний не было.

... Пора. Надо расположиться у окна и проследить, когда «Пегас» войдет в подъезд. Вот это тоже правило. И оно верное – агентов надо беречь... И что это за псевдоним он себе выбрал. Тоже мне, конь с крыльями, жеребец летающий.

«Пегас» всегда был точен. Но на этот раз он ровно в шесть подкатил к подъезду на какой-то иномарке. Это уже проколычик! Надо учить подлеца. Это он у себя в банке предсе-

датель, член правления и прочее, а здесь он... агент «Пегас», работой которого руководит начальник отделения майор Тучков. Так-то вот!

Раздался условный звонок в дверь (хоть тут молодец) и румяный лысоватый «Пегас» влетел в комнату. Он быстро устроился у стола, многообещающе улыбался и потирал руки, ожидая, когда опер начнет его «потрошить». Было очевидно, что сегодня Николай (таким было мирское имя «Пегаса») принес в клювике что-то срочное, важное, любопытное. Или, на языке чекистских бюрократов – «информацию, представляющую значительный оперативный интерес».

– Вот что, Павел Васильевич, все, что я тебе раньше говорил – ерунда. Воровали, воруют и будут воровать. Но сейчас я такое расскажу! Орден тебе обеспечен.

– Ты, Николай, не принижай своей информации. Ерунда! Нет, это очень важно... Давай свою сенсацию, а потом спокойно вернемся к твоим... старым песням о главном.

– Вернемся, вернемся. Если будет такое желание... Так вот, уважаемый гражданин начальник, вы слышали, что на днях такой Маруев вроде с собой покончил, а через пару дней Кавторадзе взорвали?

– Маруева не знаю. А о Кавторадзе слышал что-то. Это же не банкир. Он фирмач какой-то, промышленник. Это не по моей части. И вообще – им вроде бы Центр занимался.

– Какой центр?

– Ну... неважно. Это тебя не касается. Центр – он и в Африке Центр. В чем суть?

– Я знал Маруева. И познакомился я с ним в одном спортивном центре, на Черемушках – ФОК «Дронт» называется.

– Комплекс, физкультурно-оздоровительный.

– А когда это ты, Николай, спортом стал заниматься?

– Да нет там спорта, Павел Васильевич. Там сауна, душ Шарко...

– Это когда из шланга поливают?

– Да, да. Тренинг всякий, велосипеды и прочее... Массажистки симпатичные...

– Понятно!

– Да нет, Павел Васильевич. Тут все чинно и благородно. Без интима, но симпатичные.

– Ты давай ближе к телу. Десять минут трепнешься и все про душ Шарко. Когда интересное начнешь, Коля?

– А интересное вот в чем... Вчера было жарко...

– Уже любопытно!

– Я захотел холодного пива...

– Наконец началось важная оперативная информация. Я так генералу и доложу: нашего общего друга жажда замучила.

– Да не шутите вы, Павел Васильевич. Сейчас будет вам важная информация... Так вот, буфет закрыт, а у директора этого «Дронта» – такой Карин Юрий Иванович, весь холодильник пивом забит. Я давно это просек. Я к нему – его нет, я дверь открыта.

– Ну?

– Зашел...

– Ну?

– Взял пиво...

– Дальше!

– Хотел выскочить, а они идут. Сам Карин и его зам. Его я только в лицо знаю. Его, правда, все зовут «Вась-Вась».

– Василий Васильевич, очевидно. Что, поймали они тебя, мелкий ты воришка?

– Как же! Я в одном прыжке к стене сиганул, и за диван.

– А они?

– Взяли пиво, сели на диван и пьют.

– А ты?

– А я не пью. Неудобно там за диваном. И пыльно. Два часа там пролежал... Они все о делах. Группу на Камчатку скоро везут. Ну и обсуждали: с кем и что согласовывать, что брать, как с билетами.

– А что это им на Камчатке понадобилось?

– Так это, Павел Васильевич, мне еще Маруев успел объяснить. Ну, пока еще живой был. Полетели, говорит, с нами. Красный рыбки половим, медведя стрельнем, бичей будем гонять, туземок пугать. Все, говорит, будет – погони, засады, взрывы, стрельба... Это у них для самых богатых такой отдых. Экзотика.

– Понятно, с жиру бесятся... Так что ты еще услышал... Там, за диваном?

– Самое главное! Всего-то две фразы, но я попытаюсь дословно. Этот Вась-Вась спрашивает: «Ты в «Сову» эту не звонил? Не очень мы с Маруевым наследили?» А Карин ему отвечает: «Все обойдется. Менты уже все закрыли. А Игорь тоже копать не собирается. Зато по Кавторадзе твой «Зяблик» чисто сработал. Молодец!»

– Все?

– Все, Павел Васильевич.

– А что такое «Зяблик».

– Я думаю – псевдоним. Я – «Пегас», а он, кто Кавторадзе взорвал, он – «Зяблик».

– Там еще и «Сова» какая-то есть. Вот, дьявол! Мне тут с этой птичьей стаей разбираться: сова, зяблик, пегас, дронт.

– А что, Павел Васильевич, дронт – есть такая птица?

– Была, Николай. Ее австралийцы всю под корень слопали. Даже яиц не оставили... Но не об этом сейчас. Ты вот что, «Пегас», познакомься поближе с этими, ну, которые на диване сидели. Попытайся в эту элитную группу вписаться. И на Камчатку, может быть, слетай. Денег не жалея – потом компенсируем... А я этих жуков установлю и проверю со всех сторон... Ты, Коля, бери бумагу и пиши самую суть. Можно без пива и без дивана.

Николай на секунду вспомнил, что он действующий председатель совета директоров банка «Букбэнк». Он улыбнулся и быстро приступил к любимому занятию: агент «Пегас» пишет сообщение. Пишет о себе, но в третьем лице. Так положено:

«Источник сообщает, что с Маруевым В.А. он познакомился десять дней назад на фирме ФОК «Дронт». Руководителем этого «Дронта» является весьма подозрительная личность некто Карин Юрий Иванович, который...»

* * *

Первый день поисков начался очень удачно. На фирме Маруева оказалась очень информированная и еще более разговорчивая секретарша. За час Варвара зафиксировала несколько версий смерти любимого шефа, множество сплетен о его жене и до десятка возможных источников информации – друзей семьи и личных подруг Валентины Маруевой.

Версии серьезно можно было и не рассматривать. В конечном итоге они сводились к двум: «Если это убийство, то наверняка солнцевские бандиты сработали. А кто же еще? Если самоубийство, то это жена довела. Такого мужика угробила, стерва».

Из сплетен лишь одна заслуживала явного внимания. Очевидно, что и в остальных что-то было, но это что-то надо было долго выуживать из массы преувеличений, выдумок и завистливого вранья. Но одна была точно в десятку, в цвет, в масть.

Два года назад на фирме появился новый охранник, некто Леонид Жидков. Для одних он был веселым, общительным, свойским парнем, а для других – трепач, болтун, балаболка. То есть, оценки отличались лишь эмоциональной окраской. Одним словом, уже через

неделю все знали, что к своим двадцати пяти годам Леонид перепробовал до десятка профессий.

При этом ни одно дело он не мог довести до конца. Может быть, и мог бы, но он просто нигде долго не задерживался. Хроническая невезуха!

С исторического факультета его «попросили», когда он увлекся челночным бизнесом. О своем исключении он узнал случайно, когда после годового отсутствия в поисках рынков сбыта неожиданно появился в «храме науки».

Из челноков ему пришлось бежать после случая в Одесском порту. Даже изнуренный долгой морской дорогой, жарой и прокисшим пивом Леонид не терял бдительности. Он кругами ходил возле только что выгруженных на причал шести тюков с ароматной турецкой кожей – дубленки, куртки, кепочки. Он постоянно пересчитывал их, загибая пальцы. Но в какой-то моментхватило пальцев на одной руке. Тюков было ровно пять. Шестой же убежал вместе с двумя белобрысыми пацанами... Леонид догнал свой товар только около Потемкинской лестницы, но вернувшись на причал обнаружен, что оставшиеся тюки испарились в неизвестном направлении. И спросить было не с кого. Вернее, Леонид пытался спрашивать, но в ответ получал полное понимание, сочувствие и одобрение: «И что вы так волнуетесь, молодой человек? Вы в Одессе или где? Я не знаю, кто так ловко «приделал ноги» вашим шубам, но скоро их будут носить очень достойные люди...»

Потом Леонид целых три недели работал осветителем на киностудии, где и сорвал съемки эпохального шедевра о кознях КГБ. И всего-то – уронил софит. Правда, не на пол, а на нос главному герою, а тот в истерике отказался сниматься в крупных планах...

Все эти истории Варвара слышала как что-то очень важное, содержащее, возможно, разгадку. Дело в том, что в начале этого подробного рассказа было сказано буквально следующее: «Валентина Маруева часто у нас здесь бывала. И сразу на этого типа... глаз положила. Все это видели. Их недавно в городе вместе видели...» И еще – приметы Жидкова и того парня, с которым несколько дней назад уехала Маруева, совпадали.

Беседы с другими сотрудниками фирмы ничего не дали. Все держались очень стойко: мы работаем так напряженно, что ничего вокруг не замечаем.

Последним был визит к Игорю Ферапонтову. Он сидел теперь в бывшем кабинете Маруева, в том самом кресле, которое еще неделю назад было очень прочно занято.

Формально Игорь Васильевич мог быть в числе подозреваемых. Он больше всех выиграл от смерти Маруева. И, понимая это, он был предупредителен, услужлив, доступен.

– Ну, как наши дела, Варвара Петровна? Удалось что-нибудь выяснить? Я, знаете, всех сотрудников предупредил – полная откровенность.

– Спасибо.

– И не благодарите. Мне в первую очередь важно истину установить.

– Не только вам.

– Да, да, не только мне. Но мне – прежде всего.

– Почему это?

– А как же, Варвара Петровна. Если это убийство, то встает классический вопрос следствия: Кому это выгодно? Мне! Перед вами главный подозреваемый. Взять меня не за что, а подозрение будет висеть всю жизнь... Какая вам помощь нужна?

– Игорь Васильевич, есть ли у вас полные данные о действующих и бывших сотрудниках?

– А как же? Личные дела по полной форме. Я, понимаете, ожидал это. И сегодня утром все у кадровика нашего забрал.

Ферапонтов отошел к своему сейфу и через минуту перед Варварой лежали десятки аккуратных папок с номерами, фамилиями и датами. На верхнем личном деле значилось: «1724, Жидков Леонид Петрович, принят – 03.05.95, уволен – 15.08.95».

Игорь Васильевич правильно оценил паузу и последующий вопросительный взгляд Варвары:

– Да, это не случайность. Я знал, Варвара Петровна, что он заинтересует вас в первую очередь... Вы уже слышали эту историю?

– Кое-что...

– Да, это я его уволил... Гнусное дело. Каюсь, но не сожалею.

– Можно поподробней, Игорь Васильевич.

– Да, конечно. Володя, Маруев даже об этом не знал.

– О чем?

– О моих действиях... Валентина, его жена вела себя... недостойно. На глазах у всех, с простым охранником... Знаете, у Маруева всегда была такая привычка – взъерошит себе волосы, а потом долго их ладонью приглаживает. Так в то время мне стало казаться, что это он щупает – не растут ли рога. Глупо?

– Не очень.

– Вот, вот. Мог быть взрыв. Володя был нормальный русский мужик. Терпел, терпел, а потом как шуганул бы. Заодно и вся фирма бы в клочья разлетелась. Вы не подумайте, что мне нашу контору жалко было. То есть, да, но не в первую очередь. В общем, уволил я этого Жидкова.

– Каким образом?

– Маруев в командировке был, а этот тип дежурил ночью. Вечером по моей просьбе один парнишка из охраны накачал Жидкова коньяком, а сам исчез. Тут появляюсь я, вызываю зама по режиму, других людей. Шум, крик, вытрезвитель... И уволил.

– Понятно. А что Маруев?

– Нормально. Сделал вид, что ничего не случилось. Руку только мне пожал крепче, чем обычно – дал понять, что оценил мое рвение.

– Игорь Васильевич, я возьму это дело на недельку.

– Да хоть на две. Только вы обещайте: когда все разузнаете – сразу к нам. И всем все объяснить. Самоубийство – так самоубийство, а убийство – так кто... Не люблю я этих недо-молвок, слухов, подозрений.

* * *

Фотография из личного дела Жидкова помогла. Правда – не сразу. Две подруги Валентины Маруевой просто отказались разговаривать: «Мой коттедж с краю, я ничего не знаю».

Но третья, Ольга Зубова, оказалась миловидной, доверчивой и простой, как правда. Она самым естественным образом восприняла то, что незнакомая женщина ищет ее подругу, ставшую неделю назад вдовой. Не удивило ее и вдруг появившееся фото Жидкова.

– Ой, это же Леонид. Я их с Валентиной случайно в казино встретила. Она еще так смешно о нем говорила: «Это мой бойкий фрэнд...» А что ей было делать? Муж ее, конечно, обеспечивал, но был такой... мягкотелый. Вы меня понимаете?

– Не совсем.

– Валентина знает как о муже говорила? «Он на работе горит, а в постели еле тлеет». Теперь понимаете?

– Понимаю. Оля, вы о Леониде, ну и обо всем об этом кому-нибудь говорили?

– Никому! Что я – дура? Только самым близким... А что? Это раньше у нас секса не было, а теперь это самое главное. А что?

– Ничего, все нормально. А где сейчас Валентина?

– Сама ее ишу. Мы обычно каждый день общались, а тут – исчезла. Последний раз я с ней три дня назад разговаривала, но очень коротко – минут двадцать, не больше.

– И о чем вы говорили?

– Обо всем, – вспоминая, Ольга наморщила лоб и стала разглядывать потолок. – Валентина говорила про поминки, как она устала. Потом мы об отдыхе вспомнили. Я месяц назад в Сочи была, в Лазурной – так она меня подробно расспрашивала: как номер, как пляж, как море. Точно, я еще сказала, что сейчас море должно быть совсем теплым, а она: «посмотрим...»

Варвара вышла в тихий Сретенский переулок, когда уже совсем стемнело. До Лубянской площади, до Аэрофлотовских касс – минут пятнадцать... Хорошо, что придется эту парочку в Сочи искать. Не так скучно. Не Мурманск, все-таки, и не Тамбов...

* * *

Дибич встретил его в генеральской форме. Впечатление было ошеломляющим. Савенков даже поймал себя на желании перейти на «Вы». Понятно, что многолетняя служба приучила уважать генеральскую форму, но не до такой же степени.

После обычных немногословных приветствий в кабинете зависла напряженная тишина. Савенков стоял, не решаясь сесть в присутствии генерала, а Дибич отошел к окну и, сцепив руки за спиной, внимательно разглядывал снующие по Петровке машины. Вся эта мизансцена, включая неподвижную генеральскую спину, показывала, что сейчас будут произнесены очень важные слова. И Дибич, не оборачиваясь, начал:

– Слушай, Савенков. Надо нам убрать куда-нибудь Павленко. Спрятать его надо.

– Уже убрал и спрятал.

– Не понял...

При этом Дибич медленно повернулся и расплылся в лучезарной улыбке:

– Узнаю «Сову». Корифеи сыска. Мы тут на Петровке еще и чирикнуть не успели, а они уже все сработали. За тобой, Савенков, не угонишься.

– И не надо. Даже не пытайся. Нас разные системы воспитывали. Тебя, генерал, учили на шаг вперед думать, а меня на Лубянке – на три шага.

– Кончай, Савенков. Не подливай масла в огонь межведомственных распрей. И так не все слава богу... Ты почему с Павленко так решил?

– Интуиция... Вру! Он сам напросился. Очень боялся чего-то.

– И правильно делал. У тебя новые факты есть, Савенков?

– Нет, ты все факты знаешь.

– То не факты. Так – информация для интуиции. У меня еще один фактик есть. Слушай сюда. Месяц назад в лесочке около дачи убрали Короткова. Не друг, но знакомый Павленко. Потом Маруев. Потом Кавторадзе. Чуешь, как мины вокруг нашего Сергея Сергеевича падают... А вчера – Лазутина хлопнули. И тоже, представь, знакомец Павленко.

Савенков вдруг резким движением бросил на стол свой кейс, открыл его и стал ковать в бумажках.

– Как ты сказал? Лазутин? Не Дмитрий ли Иванович?

– Он. А что?

– Это один из должников Маруева. Помнишь, их расписки исчезли... А я завтра хотел к этому Лазутину идти.

– Не ходи, Савенков. Разговора не получится. У него две пули в грудь и одна – в висок... Сколько этих должников было? Трое? Выходит у тебя на треть меньше работы. Ты еще день-другой потяни и один останется.

– Я, Дибич, люблю юмор. Любой. Даже твой черный, милицейский.

Они помолчали несколько минут. Потом Дибич позвонил секретарше и попросил кофе – «побольше, погуще и покрепче». Савенков положил перед собой чистый лист и начал рисовать какую-то схему: круги, квадратики, фамилии, даты...

– Как думаешь, Дибич, это все одна группа работает?

– А я никак не думаю. Почерк везде разный. Одного в лесу, другого в квартире, третьего на улице. А вчера – традиционно, в лифте. Далее: Пистолет, бомба, шприц... Нет, почерк настолько разный, что даже подозрительно... А что все знакомые Павленко, так это ж новые русские. Отдельная каста. Узкий круг... Вот начнут сейчас певцов отстреливать и окажется, что все они знакомые Аллы Борисовны. И о чем это говорит? Да ни о чем.

Они еще немного помолчали, потягивая тот самый «наваристый, жгучий и черный». Савенков вертел перед собой свою же схему, изредка добавляя в нее какую-нибудь линию или вспомнившуюся вдруг фамилию. Он готовил очередные вопросы.

– Варвара сегодня в Сочи улетела. Маруева со своим хахалем там должны быть. Мы его установили. Вот посмотри.

Дибич взглянул на листок, набрал короткий телефонный номер, назвал пароль, зачитал установочные данные и, потирая руки, уставился на Савенкова:

– Зараз твоего Жидкова по ГИЦу прокрутят и будет у тебя все, если, конечно, он попал в наше поле зрения.

– Нормально. Это всем так или только генералам?

– Всем – через час, генералам – через пять минут. Какие еще вопросы?

– Подстрахуй Варвару. Позвони в Сочи. Вдруг помощь будет нужна.

– Сделаю, – Дибич начал записывать на календаре. – Она у тебя, кажется, Галактионова?

– Да, Варвара Петровна.

– Ты вечером мне позвони, я уточню, к кому ей обращаться. Какие еще задания?

– По фирме «Дронт» не выяснял?

– Выяснял, да вся информация на уровне участкового. Мол, солидная фирма, клиенты на иномарках, пьянок, дебошей, драк нет, ничего не нарушают. Элитное заведение, а большинство нашей агентуры – голь перекатная. Подобные салоны не посещают.

– Я, Дибич, попробую туда Олега Крылова внедрить.

– Пробуй. Чем могу – помогу... Да, я тебе о Кавторадзе не рассказывал? Наши эксперты как разобрались, так чуть со стульев не попадали. Не киллеры, а какие-то «очумелые ручки»... Охрана проверила машину во внутреннем дворе. Зеркалами днище осмотрели – все как полагается. И – машину к подъезду. Ставят ее точно над люком. Постоянное место. Ждут. Злодей снизу сдвигает крышку люка, лейкопластырем приворачивает к днищу нормальную гранатку «Ф – 1», от кольца – леску и мощный рыболовный крючок. Такой, знаешь, тройник на сома. И его на пластилин, так, чтобы чуть-чуть держался... Через десять минут машина с шефом летит по нашим колдобинам, крючок падает...

Дибича отвлек телефонный звонок. Он слушал долго, почти ничего не спрашивал и постепенно мрачнел.

– Да, Савенков, есть на твоего Жидкова информашка. Год назад он наркотиками торговал. Вернее – подозревался. Но уголовное дело не заводили. И просидел он у нас всего два дня.

– Ты не спрашивал, чем он торговал, какой это был наркотик?

– Что мне спрашивать? Мне и так все сказали... Ты угадал, Савенков, зелье то же, коим и Маруева угробили.

Глава 4

Особняк фирмы «Дронт» впечатлял. Располагался он на тихой улице за ажурным забором. Маленький садик перед домом почти не скрывал это разноцветное двухэтажное величание.

Вероятно, специалист назвал бы это эклектикой, смешением стилей, архитектурным хулиганством. Но клиентам это нравилось. Посетители «Дронта» обожали такие «крутые навороты». Башенки, как у французских замков, окна – германская готика, двери и решетки в стиле модерн начала века, мозаика и массивные колонны под древнюю Русь. И все это ярко, весело. Жизнь коротка, а дом не шуба – каждый месяц менять не будешь. Значит надо напихать в него как можно больше этих стилей. Пять в одном!

Олег Крылов остановился на несколько секунд перед входом в этот архитектурный шедевр, собрался, как перед прыжком в ледяную воду, сделал глубокий вдох и нырнул внутрь.

После звонка Павленко его там ждали. Сутки ушли на подготовку, прежде всего – моральную. Липовых документов он не готовил. И врать он ничего не будет. Он будет сочинять. А это две большие разницы. Вранье – это когда тебя можно проверить, уличить, поймать за руку. А когда ты на действительные факты своей биографии нанизывал гирлянды непроверяемой туфты – это полет фантазии и оперативное искусство.

Внутри здания все было столь же ярко и аляповато. Правда, традиционных серых охранников не было, и Олега, быстро оценив его «социальный статус», две жизнерадостные девицы уволокли в маленький зал, предназначенный, очевидно, для приема новых клиентов. Усадив его за журнальный столик, они порхали вокруг, щебетали, подкладывали альбомы, проспекты, программы.

– У нас все на самом высоком уровне... Вы обязательно оздоровитесь... Стресс снимем... Тонус повысим... Элитный массаж... Эксклюзивные курсы... Наши клиенты очень нас любят...

– И я сразу вас полюбил, девочки. Но я... по звонку. Мне нужен Карин Юрий Иванович. Мне передали, что он меня ждет.

Даже сообразив, что последние десять минут они работали зря, девицы не сняли со своих лиц очаровательные улыбки. Они никогда их не снимали на работе. Одевали в десять утра – и до финального звонка...

Карин действительно ждал его. Павленко расписал все в нужном свете. Именно таких клиентов здесь ждали. Разовые визитеры к массажисткам или к косметологам Карина мало интересовали. Это все для отчетности. Ширма. Бутафория. Видимость легального бизнеса... Таких же клиентов, как этот Крылов, он называл штучным товаром, берег их, пестовал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.